

Зелинский Василий Аполлонович

**Критические разборы романа
И.С.Тургенева "Отцы и дети"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Аполлонович З.**
Критические разборы романа И.С.Тургенева "Отцы и дети" / Зелинский Василий Аполлонович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 154 с.

ISBN 978-5-519-86019-2

ISBN 978-5-519-86019-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„О т ц ы и Д ѣ т и“

Общiе отзывы о романѣ.

*) При появленiи романа «Отцы и Дѣти», къ нему вдругъ приступили съ лихорадочными и настоящими вопросами: кого онъ хвалить? кого осуждаетъ? кто у него образецъ для подражанiя? кто предметъ презрѣнiя и негодованiя? какой это романъ—прогрессивный или ретроградный?

И вотъ на эту тему поднялись безчисленные толки. Дѣло дошло до мелочей, до самыхъ тонкихъ подробностей. Базаровъ пьетъ шампанское! Базаровъ играетъ въ карты. Базаровъ небрежно одѣвается. Что это значитъ? спрашиваютъ въ недоумѣнiи. *Должно* это или *не должно*? Каждый рѣшилъ по своему, но всякій считалъ необходимымъ вывести нравоученiе и подписать его подъ загадочную басню. Рѣшенiя однако-же вышли совершенно разногласныя. Одни нашли, что «Отцы и Дѣти» есть сатира на молодое поколѣнiе, что всѣ симпатiи автора на сторонѣ *отцовъ*. Другiе говорятъ, что осмѣяны и опозорены въ романѣ *отцы*, а молодое поколѣнiе, напротивъ, превознесено. Одни находятъ, что Базаровъ самъ виноватъ въ своихъ несчастныхъ отношенiяхъ къ людямъ, съ которыми онъ встрѣтился; другiе утверждаютъ, что, напротивъ, эти люди виноваты въ томъ, что Базарову такъ трудно жить на свѣтѣ... Несмотря на то, романъ читается съ жадностью и возбуждаетъ такой интересъ, какого, смѣло можно сказать, не возбуждало еще ни одно произведенiе Тургенева...

Н. Страховъ.

*) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4. Также „Критическiя статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Спб. 1887 г.

*) Можно сказать съ увѣренностью, что со времени «Мертвыхъ Душъ» Гоголя ни одинъ изъ русскихъ романовъ не производилъ такого впечатлѣнія, какое произвели «Отцы и Дети» при ихъ появленіи. Глубокій умъ и не менѣе глубокая наблюдательность, несравненная способность къ смѣлому и вѣрному анализу жизненныхъ явленій, къ широкому ихъ обобщенію сказались въ основномъ замыслѣ этого положительно *историческаго* произведенія. Тургеневъ разъяснилъ живыми образами «отцовъ» и «дѣтей» сущность той жизненной борьбы между отживающимъ періодомъ крѣпостного барства и новымъ преобразовательнымъ періодомъ, которая велась и тогда у всѣхъ на виду, которая составила главное содержаніе нашего «возрожденія» и которой, однакоже, до него никто не подыскалъ настоящаго яркаго опредѣленія. Тургеневъ не только далъ такое опредѣленіе, не только освѣтилъ внутренній смыслъ тогдашняго «новаго» движенія жизни, но и указалъ главный характеристическій его признакъ—отрицаніе во имя реализма, какъ противоположность старому идеалистическо-либеральному консерватизму. Извѣстно, что онъ нашелъ и необыкновенно удачную кличку для этого отрицанія, кличку, впоследствии сдѣлавшуюся нарицательной и принятую для извѣстной группы явленій и типовъ не у однихъ русскихъ, но и во всей Европѣ. Художникъ создалъ въ образѣ Базарова чрезвычайно характернаго представителя новаго жизненнаго уклада, новаго направленія и окрестилъ это самое направленіе удивительно мѣткимъ словомъ, надѣлавшимъ столько шуму, вызвавшимъ столько споровъ, сужденій и похвалъ, сочувствій и ненависти, робкихъ тревогъ и смѣлыхъ порываній. Въ исторіи литературы не много можно указать примѣровъ такого глубокаго и живого волненія, вызваннаго въ общественной средѣ художественнымъ созданіемъ, такого почти «политическаго» значенія типа, воспроизведеннаго литературнымъ творчествомъ... Этотъ романъ и черезъ двадцать лѣтъ представляется все тѣмъ-же глубокимъ, яркимъ и

*) В. Буренинъ. „Литературная дѣятельность Тургенева“. Спб. 1884 г.

правдивымъ отраженіемъ жизни, какимъ онъ былъ въ моментъ его появленія. Теперь его глубина и правдивость кажутся даже еще болѣе ясными и возбуждаютъ еще большее удивленіе и уваженіе къ творческой мысли художника, его создавашаго... Въ наши дни, когда періодъ развитія, уловленный Тургеневымъ въ его знаменитомъ романѣ, является уже изжитымъ почти вполнѣ, мы можемъ только удивляться той проницательности, съ которою художникъ отгадалъ основной характеръ жизненнаго движенія, ознаменовавшаго этотъ періодъ. Борьба двухъ общественныхъ теченій, дореформеннаго и послѣреформеннаго, борьба двухъ поколѣній, стараго, воспитавшагося на эстетическомъ идеализмѣ, для котораго представлялъ такую удобную почву обезпеченный крѣпостнымъ правомъ барскій досугъ, и новаго, увлекавшагося реализмомъ и отрицаніемъ, — вотъ что составляло сущность движенія эпохи шестидесятыхъ годовъ. Тургеневъ своимъ гениальнымъ чутьемъ прозрѣлъ это основное «вѣяніе» жизни и воспроизвелъ его въ живыхъ и яркихъ образахъ со всѣми его положительными и отрицательными, трогательными и комическими сторонами. Въ своемъ романѣ онъ вовсе не становился на сторону «отцовъ», какъ это утверждала тогдашняя несочувственная ему прогрессивная критика, онъ вовсе не имѣлъ намѣренія превознести ихъ надъ «дѣтьми» для униженія послѣднихъ. Точно такъ же онъ вовсе не имѣлъ намѣренія выставять въ образѣ представителя дѣтей какой-то образецъ «мыслящаго реалиста», которому молодое поколѣніе должно было поклоняться и подражать, какъ это вообразила прогрессивная критика, сочувственно отнесшаяся къ его произведенію. Подобное одностороннее воззрѣніе было чуждо художнику: онъ нарисовалъ и отцовъ и дѣтей по возможности безпристрастно, аналитически, «спокойно зря на правыхъ и виноватыхъ». Онъ не пощадилъ ни отцовъ ни дѣтей, и произнесъ холодно суровый приговоръ и тѣмъ и другимъ. Отцамъ въ лицѣ Кирсановыхъ, особенно Павла Кирсанова, онъ пропѣлъ положительно отходную, выставивъ ихъ барскій идеализмъ, ихъ сентиментальную эстетику даже почти въ комическомъ,

даже, какъ справедливо онъ указывалъ самъ, въ карикатурномъ свѣтѣ. Въ выдающемся представителѣ «дѣтей», Базаровѣ, онъ призналъ извѣстную нравственную силу, энергію характера, выгодно отличающую этотъ твердый типъ реалиста отъ жиденькаго, безхарактернаго и безвольнаго типа прежняго поколѣнія; но, признавъ положительныя стороны молодого типа, онъ не могъ не развѣнчать его, не могъ не указать его несостоятельности передъ жизнью, передъ народомъ. И онъ сдѣлалъ это. И теперь, когда время достаточно разоблачило несостоятельность типа тогдашняго поколѣнія, мы видимъ, какъ художникъ былъ правъ, какъ глубоко и далеко онъ прозрѣвалъ въ жизнь, какъ ясно онъ видѣлъ начала и концы ея развитія... Тургеневъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» далъ образчикъ настоящаго общественнаго романа, несмотря на то, что его внѣшняя фабула сводится на обычныя интимныя отношенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. И съ какимъ изумительнымъ искусствомъ совершена художникомъ эта мудреная задача—вложить въ узкія условныя рамки самое широкое и новое содержаніе! Едва-ли кому изъ романистовъ нашего вѣка, начиная отъ Диккенса и кончая Жоржъ Зандомъ и Шпильгагеномъ, удавалось сдѣлать это такъ сжато и такъ выразительно, съ такимъ отсутствіемъ дидактическаго элемента, почти всегда присущаго произведеніямъ упомянутыхъ сейчасъ корифеевъ западныхъ литературъ, съ такимъ полнымъ проникновеніемъ въ самую сущность жизненнаго движенія, отраженнаго въ романѣ. Повторяю еще разъ: «Отцы и Дѣти» уже и теперь высоко цѣнятся европейской критикой. Но пройдутъ годы, и они будутъ цѣниться еще выше. Они будутъ поставлены на ряду съ тѣми крупными литературными произведеніями, въ которыхъ выражены основныя теченія времени, ихъ породившаго. Что касается до значенія этого романа въ родной литературѣ, то его законное мѣсто въ ряду съ такими созданіями, какъ «Евгеній Онѣгинъ» Пушкина, «Мертвыя Души» Гоголя, «Герой нашего времени» Лермонтова и «Война и Миръ» Льва Толстого...

В. Буренинъ.

*) Тургеневъ, какъ уже давно извѣстно, есть писатель, усердно слѣдящій за движеніемъ русской мысли и русской жизни. Онъ заинтересованъ этимъ движеніемъ необыкновенно сильно; не только въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», но и во всѣхъ прежнихъ своихъ произведеніяхъ онъ постоянно схватывалъ и изображалъ отношенія между отцами и дѣтьми. Послѣдняя мысль, послѣдняя волна жизни,—вотъ что всего болѣе приковывало его вниманіе. Онъ представляетъ образецъ писателя, одареннаго совершенною подвижностью и вмѣстѣ глубокою чуткостью, глубокою любовью къ современной жизни...

Если мы не знаемъ полныхъ Базаровыхъ въ дѣйствительности, то, однакоже, всѣ мы встрѣчаемъ множество базаровскихъ чертъ; всѣмъ знакомы люди, то съ одной, то съ другой стороны напоминающіе Базарова. Если никто не проповѣдуетъ всей системы мнѣній Базарова, то, однакоже, всѣ слышали тѣ же мысли поодиночкѣ, отрывочно, несвязно, нескладно. Эти бродячіе элементы, эти не развившіеся зародыши, не доконченныя формы, не сложившіяся мнѣнія Тургеневъ воплотилъ цѣльно, полно, стройно въ Базаровѣ. Система убѣжденій, кругъ мыслей, которыхъ представителемъ является Базаровъ, болѣе или менѣе ясно выражались въ нашей литературѣ. Главными ихъ выразителями были два журнала: «Современникъ», уже нѣсколько лѣтъ проводившій эти стремленія, и «Русское Слово», недавно заявившее ихъ съ особенною рѣзкостью. Отсюда, конечно, должно объяснить упрекъ, сдѣланный Тургеневу, что онъ изобразилъ въ Базаровѣ не одного изъ представителей молодого поколѣнія, а скорѣе главу кружка, порожденіе нашей бродящей и оторванной отъ жизни литературы. «Современникъ» весьма недоволенъ романомъ Тургенева. Онъ думаетъ, что романъ написанъ въ укоръ и поученіе молодому поколѣнію, что онъ представляетъ клевету на молодое поколѣніе, и можетъ-быть поставленъ на ряду съ Асмодеемъ нашего времени, соч. Аскоченскаго.

Н. Страховъ.

*) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4. Также „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Спб. 1887 г.

*) Этот романъ составляетъ вопросъ и вызовъ, обращенный къ молодому поколѣнію старшею частью общества. Одинъ изъ лучшихъ людей старшаго поколѣнія, Тургеневъ, обращается къ молодому поколѣнію и громко предлагаетъ ему вопросъ: «Что вы за люди? Я васъ не понимаю, я вамъ не могу и не умѣю сочувствовать. Вотъ что я успѣлъ подмѣтить. Объясните мнѣ это явленіе». Таковъ настоящій смыслъ романа... И съ этой именно точки зрѣнія слѣдовало приняться за него критикѣ, т.-е. ей слѣдовало сосредоточиться на разборѣ базаровскихъ идей, а не разбирать романъ только съ художественной стороны, какъ это сдѣлалъ Антоновичъ въ «Современникѣ»... «Дурна или хороша была тенденція тургеневского романа, говоритъ Писаревъ,—это все равно; для литературныхъ реалистовъ этотъ романъ былъ, во всякомъ случаѣ, драгоцѣннымъ извѣстіемъ о судьбѣ ихъ идеи и еще болѣе драгоцѣннымъ поводомъ къ обстоятельному объясненію съ читающею публикою...»

Все наше поколѣніе, — продолжаетъ Писаревъ **), — со своими стремленіями и идеями можетъ узнать себя въ дѣйствующихъ лицахъ этого романа. «Базаровъ—представитель нашего молодого поколѣнія; въ его личности сгруппированы тѣ свойства, которыя мелкими долями разсыпаны въ массахъ, и образъ этого человѣка ярко и отчетливо вырисовывается передъ воображеніемъ читателей». «Тургеневъ вдумался въ типъ Базарова и понялъ его такъ вѣрно, какъ не пойметъ ни одинъ изъ нашихъ молодыхъ реалистовъ». «Онъ не покривилъ душою въ своемъ послѣднемъ произведеніи». Общія отношенія Тургенева къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя составляютъ канву его романа, такъ спокойны и безпристрастны, такъ свободны отъ поклоненія той или другой теоріи, что самъ Базаровъ не напелъ-бы въ этихъ отношеніяхъ ничего робкаго или фальшиваго». Тургеневъ есть «искренній художникъ, не уродующій дѣйствительность, а изображающій ее, какъ она есть». Вслѣдствіе этой «честной, чистой натуры художника», «его образы

*) Д. Писаревъ. Сочиненія Д. И. Писарева, ч. 2.

**) Цитируетъ критикъ „Времени“, Н. Страховъ („Время“ 1862 г., № 4).

живутъ своею жизнью; онъ любить ихъ, увлекается ими, онъ привязывается къ нимъ во время процесса творчества. и ему становится невозможнымъ помыкать ими по своей прихоти и превращать картину жизни въ аллегорію съ нравственною цѣлью и съ добродѣтельной развязкой». Тургеновъ—пишетъ онъ (Писаревъ)—оправдалъ Базарова и оцѣнилъ его по достоинству. Базаровъ вышелъ у него изъ испытанія чистымъ и крѣпкимъ». «Смыслъ романа вышелъ такой: теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности; но въ самыхъ увлеченіяхъ оказываются свѣжая сила и неподкупный умъ; эта сила и этотъ умъ даютъ себя знать въ минуту тяжелыхъ испытаній; эта сила и этотъ умъ безъ всякихъ постороннихъ пособій и вліяній выведутъ молодыхъ людей на прямую дорогу и поддержать ихъ въ жизни». «Кто прочелъ въ романѣ Тургенева эту прекрасную мысль, *тотъ не можетъ не изъяснить ему глубокой и горячей признательности, какъ великому художнику и честному гражданину Россіи!*

Д. Писаревъ.

* *
*

*) Критики, въ числѣ ихъ и Писаревъ, недовольны Базаровымъ за то, что онъ отрицаетъ изящество жизни, эстетическое наслажденіе и науку. По поводу этого критикъ «Времени» говоритъ: Фигура Базарова имѣетъ въ себѣ нѣчто мрачное и рѣзкое. Въ его наружности нѣтъ ничего мягкаго и красиваго; его лицо имѣло другую, не внѣшнюю красоту: оно оживлялось спокойною улыбкою и выражало самоувѣренность и умъ». Онъ мало заботится о своей наружности и одѣвается небрежно. Точно такъ же въ своемъ обращеніи онъ не любитъ никакихъ излишнихъ вѣжливостей, пустыхъ, не имѣющихъ значенія формъ, внѣшняго лаку, который ничего не покрываетъ. Базаровъ *простъ* въ высшей степени, и отъ этого, между прочимъ, зависитъ та легкость, съ которою онъ сходилъ съ людьми,

*) Н. Страховъ. „Время“ 1862 г., № 4. Также: „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Спб. 1887 г.

начиная отъ дворовыхъ мальчишекъ и до Анны Сергѣевны Одинцовой. Такъ опредѣляетъ Базарова самъ юный другъ его Аркадій Кирсановъ:

— Ты съ нимъ, пожалуйста, не церемонься, говорить онъ своему отцу: — онъ чудесный малый, такой простой, ты увидишь.

Чтобы рѣзче выставить простоту Базарова, Тургеневъ противопоставилъ ей изысканность и щепетильность Павла Петровича. «Послѣ этого весьма странно, что почитатели Базарова не довольны его изображеніемъ въ этомъ отношеніи. Они находятъ, что авторъ придалъ ему *грубыя манеры*, что онъ выставилъ его *неотесаннымъ, грубо воспитаннымъ*, котораго *нельзя пустить въ порядочную гостиную*».

Такъ выражается г. Писаревъ и на этомъ основаніи приписываетъ г. Тургеневу *коварный* умыселъ *уронить и опошлить* своего героя въ глазахъ читателей. По мнѣнію г. Писарева, Тургеневъ поступилъ весьма несправедливо; «можно быть крайнимъ матеріалистомъ, полнѣйшимъ эмпирикомъ, и въ то же время заботиться о своемъ туалетѣ, обращаться утонченно-вѣжливо со своими знакомыми, быть любезнымъ собесѣдникомъ и совершеннымъ джентльменомъ. Это я говорю — прибавляетъ критикъ — для тѣхъ читателей, которые, придавая важное значеніе утонченнымъ манерамъ, съ отвращеніемъ посмотрятъ на Базарова какъ на человѣка *mal élevé* и *mauvais ton*. Онъ дѣйствительно *mal élevé* и *mauvais ton*, но это нисколько не относится къ сущности типа...»

Изящныя манеры и хорошій туалетъ, конечно, суть вещи хорошія; но мы сомнѣваемся, чтобы они были къ лицу Базарову, шли къ его характеру. Человѣкъ, глубоко преданный одному дѣлу, предназначавшій себя, какъ онъ самъ говоритъ, для «жизни горькой, терпкой, бобыльной», онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ играть роль утонченнаго джентльмена, не могъ быть любезнымъ собесѣдникомъ. Онъ легко сходится съ людьми; онъ живо заинтересовываетъ всѣхъ, кто его знаетъ: но этотъ интересъ заключается вовсе не въ тонкости обращенія...

Тургеневъ имѣлъ притязанія и дерзость создать романъ, имѣющій *всевозможныя* направленія; поклонникъ вѣчной истины, вѣчной красоты, онъ имѣлъ гордую цѣль во временномъ указать на вѣчное, и написалъ романъ не прогрессивный и не ретроградный, а, такъ сказать, *всеидашний*. Въ этомъ случаѣ его можно сравнить съ математикомъ, старающимся найти какую-нибудь важную теорему. Положимъ, что онъ нашелъ, наконецъ, эту теорему; не правда ли, что онъ долженъ быть сильно удивленъ и озадаченъ, если бы къ нему вдругъ приступили съ вопросами: да какая твоя теорема — прогрессивная или ретроградная? Сообразна ли она съ *новымъ* духомъ или же угождаетъ *старому*? На такія рѣчи онъ могъ бы отвѣчать только такъ: ваши вопросы не имѣютъ никакого смысла, никакого отношенія къ моему дѣлу: моя теорема есть *вѣчная истина*...

Смѣна поколѣній — вотъ наружная тема романа. Если Тургеневъ изобразилъ не всѣхъ отцовъ и дѣтей, или не *тѣхъ* отцовъ и дѣтей, какихъ хотѣлось бы другимъ, то *вообще* отцовъ и *вообще* дѣтей, и отношеніе между этими двумя поколѣніями онъ изобразилъ превосходно. Можетъ-быть, разница между поколѣніями никогда не была такъ велика, какъ въ настоящее время, а потому и отношеніе ихъ обнаружилось особенно рѣзко. Какъ бы то ни было, для того чтобы измѣрять разницу между двумя предметами, нужно употреблять одну и ту же мѣрку для обоихъ; чтобы рисовать картину, нужно взять изображаемые предметы съ одной точки зрѣнія, общей для всѣхъ ихъ.

Эта одинаковая мѣра, эта общая точка зрѣнія у Тургенева есть *жизнь человѣческая* въ самомъ широкомъ и полномъ ея значеніи. Читатель этого романа чувствуетъ, что за миражемъ внѣшнихъ дѣйствій и сценъ льется такой глубокій, такой неистощимый потокъ жизни, что всѣ эти дѣйствія и сцены, всѣ лица и событія ничтожны передъ этимъ потокомъ.

Если мы такъ поймемъ романъ Тургенева, то, можетъ-быть, передъ нами всего яснѣе обнаружится и то правоученіе, котораго мы добиваемся. Правоученіе есть, и даже

весьма важное, потому что истина и поэзія всегда поучительны.

Глядя на картину романа спокойнѣе и въ нѣкоторомъ отдаленіи, мы легко замѣтимъ, что хотя Базаровъ головою выше всѣхъ другихъ лицъ, хотя онъ величественно проходитъ по сценѣ, торжествующій, поклоняемый, уважаемый, любимый и оплакиваемый, есть, однакоже, что-то, что въ цѣломъ выше Базарова. Что же такое? Всматриваясь внимательно, мы найдемъ, что это высшее не какія-нибудь лица, а та *жизнь*, которая ихъ воодушевляетъ. Выше Базарова—тотъ страхъ, та любовь, тѣ слезы, которыя онъ внушаетъ. Выше Базарова та сцена, по которой онъ проходитъ. Обаяніе природы, прелесть искусства, женская любовь, любовь семейная, любовь родительская, *даже* религія, все это — живое, полное, могущественное — составляетъ фонъ, на которомъ рисуется Базаровъ. Этотъ фонъ такъ яркъ, такъ сверкаетъ, что огромная фигура Базарова вырѣзается на немъ отчетливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ мрачно.

Н. Страховъ.

*
* *

*) Отдавая должную справедливость многимъ умнымъ замѣчаніямъ автора критической статьи во «Времени» (№ 4), мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ въ основной его мысли, именно во взглядѣ его на сущность типа, изображеннаго г. Тургеневымъ, подъ именемъ Базарова. Взглядъ этотъ не выдержитъ пробы, будемъ ли мы сравнивать его съ самымъ романомъ или съ нашею общественною средою, изъ которой взяты элементы изображенія. По мнѣнію критика, въ этой фигурѣ выразился господствующій въ наше время духъ реализма, духъ, дѣйствующій и въ жизни и въ наукѣ. Критикъ раздвигаетъ горизонтъ этого типа до всемірнаго значенія и видитъ въ немъ какую-то всеобщую идею. Онъ видитъ въ немъ тотъ умственный аскетизмъ, который сурово отказывается отъ всего далекаго, отвле-

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г., № 5-й. (Статья М. Каткова?).